

Реквием по офицеру

(Продолжение. Начало в № 142)

Коренные изменения в России, вызванные Февральской революцией, принёс 1917 год. Монархия пала, а вскоре и в далёком от столицы Кузнецке, как и по всей Томской губернии, стали упраздняться прежние органы власти царского времени. Были ликвидированы административные структуры губернского управления, полиция, упразднён съезд крестьянских начальников (орган сельского управления),

на смену которым пришли Кузнецкое уездное народное собрание в лице его исполнительного комитета, народная милиция, различные комитеты и советы депутатов. Однако в плане военного устройства изменения были не столь радикальны. Подполковник Бедло-Зволинский в полной мере сохранил своё верховенство как над Кузнецкой местной командой, так и над управлением уездного воинского начальника. 4 марта он перед личным составом команды зачитал две телеграммы командующего войсками Омского военного округа: одну об отречении Николая II и временном переходе верховной власти к членам Государственной Думы, другую - о признании войсками Омского военного округа и Степного края власти Временного правительства. Кузнецкий городской временный комитет, образованный в этот же день как орган власти на переходный период, назначил двух комиссаров для контроля работы управления воинского начальника. Но комиссары ограничились наблюдательными функциями и в работу военного ведомства не вмешивались. Солдатский же комитет в местной команде, также организованный в мартовские дни 1917 года, отнюдь не ставил своей задачей отстранение подполковника от управления местным воинским формированием. Наоборот, на общем собрании солдаты единодушно постановили выразить воинскому начальнику благодарность “за отзывчивость и корректное его отношение к ним не только в дни свободы, но и в старое подневольное время бессловесной жизни солдата-раба”. Безусловно, такое решение ярко характеризует Мечислава Феликсовича как настоящего офицера с большой буквы, умеющего ценить и уважать простого солдата. Вместе с тем солдатский комитет ходатайствовал перед Бедло-Зволинским об устранении от занимаемой должности одиозного руководителя аппарата Управления воинского начальника делопроизводителя Свиридова. Подполковник подсчитал для себя возможным удовлетворить эту просьбу: Свиридову предписывалось немедленно сдать все дела и отправиться в распоряжение начальника Омской местной бригады. Другой особенностью этого времени стали многочисленные митинги, которые проводили в Кузнецке все и вся. Не осталось в стороне от этих веяний и воинское управление. Подполковник не возражал против участия солдат местной команды в “патриотических манифестациях”, если на них немаловажное место занимал лозунг продолжения войны до победного конца. Случалось, что в подобного рода митингах участвовала и супруга Бедло-Зволинского София Матвеевна. Но всё нарастающее противоборство образованных осенью этого года земских структур во главе с Кузнецкой земской управой, стоявших за Учредительное собрание, и Кузнецкого совета рабочих депутатов, выражавшего интересы нового большевистского правительства, активно втягивало местный гарнизон в эту борьбу. Поскольку в местную команду доступ частных лиц был абсолютно свободен, то туда свободно приходили лидеры кузнецких эсеров и кадетов, проводили собрания, агитировали поддержать Временное правительство и ликвидировать Советы. Эта агитация во многом находила свой отклик в солдатской среде, местная команда несколько раз угрожала оружием первому уездному Совдепу

(сформировался в октябре 1917 года). В этих условиях кузнецкие большевики принимают решение, опираясь на сочувствующих им военных, добиться и провести демобилизацию части солдат кузнецкой местной команды, в первую очередь тех, кто наиболее рьяно ратовал за свержение Советов. Наиболее активную позицию в этом вопросе занимал председатель кузнецкого гарнизонного солдатского комитета Н.В. Метёлкин. Как вспоминал сам Николай Васильевич про этот период, “Кузнецкий уездный воинский начальник Бедло-Зволинский открытого участия (в этой борьбе. - П.Л.) не принимал, но был против Советов”. Постепенно к весне 1918 года чаша весов склонилась в пользу Кузнецкого уездного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, заявившего во время 4-го уездного крестьянского съезда (он же 2-й уездный съезд Советов) в марте о переходе всей полноты власти в Кузнецке и уезде в его руки. Военным комиссаром уездного Совдепа был избран Н.В. Метёлкин. Это событие означало коренную ломку всех предшествующих органов власти в городе и уезде, в том числе и системы военного управления вообще и воинского начальника в частности. Вот как Н.В. Метёлкин передаёт процедуру отстранения от должности бывшего царского подполковника. “Часто вспоминаю я, как принимал дела воинского правления у полковника Зволинского. Двадцатилетний солдат я немножко струхнул, когда Петраков (председатель Кузнецкого Совдепа. - П.Л.) приказал мне принять дела у полковника. Но делать было нечего, надо принимать. Явился в кабинет бывшего начальства, помялся немного и объявляю: - Господин полковник! Съезд Советов избрал меня военным комиссаром уезда. Председатель Совдепа Петраков приказал принять у Вас дела воинского управления. Надо было видеть, чтобы полностью представить, какая гримаса исказила физиономию этого выхоленного, привыкшего к власти дворянина. Помолчал он немного, а потом сквозь зубы процедил: - А какую Вы академию закончили, молодой человек? Тут я вспомнил про съезд Советов Центросибири и говорю: - Иркутскую, господин полковник. Видно, понял старый волк, что я про съезд намекнул, и уже спокойнее сказал: - Ну что ж, командуйте. - И, задумавшись немного, добавил: - А мне что прикажете делать? Ведь я военный человек? Ну, теперь-то я совсем осмелел и спокойно говорю: - Вам пока придётся побыть в отставке, а там Советская власть решит. Вот так я и стал первым советским военным комиссаром Кузнецка”. Как оказалось, Бедло-Зволинскому быть в вынужденной отставке пришлось недолго. Первая советская власть в Кузнецке (как и в уезде и во всей Томской губернии) продержалась недолго. Под натиском контрреволюции, выступившей на волне мятежа чехословацкого корпуса, кузнецкие большевики в середине июня 1918 года были вынуждены оставить город. Временное сибирское правительство, распространившее свою власть на территорию Западной Сибири, восстановило прежний институт воинских начальников и приданных им управлений. В условиях нарастающей Гражданской войны одной из главных задач, вставших перед белогвардейским правительством, оказалась необходимость комплектования Сибирской армии уже не только на добровольных началах, но и за счёт призыва молодёжи. С этой целью в конце июля 1918 года по распоряжению Сибирского правительства и по приказу штаба армии началось повсеместное восстановление уездных по воинской повинности присутствий. 27 июля такое было восстановлено и в Кузнецке. Руководителем его был поставлен Кузнецкий уездный комиссар Нилов, а одним из ведущих членов присутствия стал подполковник Бедло-Зволинский. С этого времени организация мобилизаций населения уезда стала (особенно с установлением колчаковского режима в конце 1918 года) одной из приоритетных задач подполковника. Кузнецчанин П.В. Коновалов, служивший в местной команде, вспоминал такой случай. Летом 1919 года, в июле, когда только закончился сенокос, началась мобилизация в колчаковскую армию прямо на фронт. Один пасечник по фамилии Курский, пытаясь оставить брата дома, принёс подполковнику Зволинскому на квартиру туес мёду и стал просить за родственника. Это откровенное взяточничество привело подполковника в бешенство. Здоровенный Зволинский в гневе просто вышвырнул пасечника из дома, надев ему на голову туес с мёдом, затем ворвался в

воинское управление, крича, что он не взяточник, и приказал всех подчистую отправлять на фронт. Другой основной задачей подполковника как начальника управления и местной команды было собственно организация службы военнослужащих в Кузнецке. В этом вопросе Бедло-Зволинский тесно взаимодействовал с начальником Кузнецкого гарнизона генерал-лейтенантом П.Н. Путиловым. С осени 1918 года на территории уезда стали появляться первые партизанские отряды, а к весне 1919 года партизанское движение стало фактором постоянного военного напряжения для колчаковских гарнизонов. В этих условиях командование Омского военного округа в мае этого года направляет в Кузнецк отдельный батальон (в составе трёх рот под номерами 10, 11 и 12) из Бийска для борьбы с партизанами. Этот карательный колчаковский батальон возглавлял чех штабс-капитан Скурат.

Вскоре в июле 1919 года на общем офицерском собрании Бедло-Зволинский, вероятно, по личной предварительной просьбе П.Н. Путилова, выступил с предложением освободить генерала Путилова от обязанностей начальника гарнизона в связи с его преклонным возрастом и избрать на освободившуюся должность молодого и энергичного командира батальона Скурата. Его предложение было единодушно принято. Как представляется, решение П.Н. Путилова оставить свой пост было связано с нежеланием генерал-лейтенанта возглавлять карательные акции против местного населения, в которых стали всё активней использоваться силы кузнецкого гарнизона. К концу осени 1919 года положение колчаковских гарнизонов в Томской губернии в связи с успешным наступлением Красной Армии становилось всё более шатким. Кузнецкое белогвардейское командование рассматривает возможные варианты отступления из города на восток. В этой связи принимается решение перед уходом из Кузнецка расстрелять всех политических заключённых, содержащихся в местной тюрьме (всего около ста человек). Казнь была назначена в ночь с 1 на 2 декабря. Между тем среди арестованных находилось немалое число родственников и знакомых солдат кузнецкого гарнизона. Это и стало непосредственным толчком к восстанию этой ночью 10-й роты бийского батальона, а также солдат местной команды, приведшего к антиколчаковскому перевороту и установлению в Кузнецке власти революционного комитета (ревкома). События восстания развивались стремительно и драматически. Первые выстрелы раздались около двух часов ночи, а уже спустя час попытки офицеров организовать 11 и 12 роту против восставших солдат потерпели полную неудачу... Скурат был ранен и бежал, а большая часть солдат указанных рот, оставшись без командования, по инерции перешла на сторону антиколчаковской группы. Между тем ещё в самом начале восстания два проколчаковски настроенных солдата местной команды кузнецанин Иван Фадеев и Сергей Шумский, воспользовавшись неразберихой первых минут, сумели сбежать из казармы и добраться до здания кузнецкого уездного воинского управления и доложили обо всём подполковнику Бедло-Зволинскому. Оценив угрожающую обстановку, подполковник послал их за пулемётом, который был снаряжён и спрятан в ограде комендантского управления. Однако Фадеев и Шумский до здания комендантского управления не дошли, опасаясь встретиться по пути туда с колонной восставших солдат - своих бывших товарищей, которые уже вышли на улицы города. Вернувшись в управление, перебежчики доложили Бедло-Зволинскому ложную информацию, что пулемёта из-за темноты и снега не смогли найти. Так воинское управление осталось без пулемёта, что ставило под сомнение возможность его обороны от восставших. К моменту возвращения Фадеева и Шумского в здании управления собралось около 40 человек из числа уцелевших офицеров и солдат местной команды - это были те, кто в силу разных причин не разделял целей ночного переворота и стремился сплотиться в этот тревожный час вокруг своего командира. Здесь же, вооружившись своим дамским пистолетом системы "Лефоше", находилась супруга Мечислава Феликсовича - София Матвеевна хотела быть с мужем в самую трудную минуту. Она сидела с ним за общим столом, а он с немногими оставшимися офицерами и кучкой преданных солдат всё пытался найти выход из

создавшегося положения. Но времени уже не было. Восставшие солдаты во главе с освобождёнными из тюрьмы бывшими смертниками уже окружили здание воинского управления. Солдаты сдались на милость своих товарищей-сослуживцев и были отпущены. У супругов Зволинских было изъято оружие (наряду с “Лефоше” у самого Бедло-Зволинского конфисковали его личный “Маузер”), при этом подполковник был арестован. Вскоре его доставили в тюрьму в крепость. Показательно, что уже через день в ревком было подано прошение от имени солдат Кузнецкой местной команды с просьбой освободить арестованных фельдфебеля Г. Хомутова (служил в местной команде) и подполковника Бедло-Зволинского “за хорошее отношение к нижним чинам” и согласиём взять их на поруки. Ревком освободил Георгия Хомутова, но относительно бывшего воинского начальника был категоричен: оставить под стражей.

(Окончание следует)

Пётр Лизогуб